

<p>ЖЕНЕВА ТИП. Гр. Стат. Наподоуольннх 6, Ch. des Grands Philosophes.</p>	<p>PARIS DEPOT GENERAL Société Nouvelle de Librairie et d'Édition, 17, rue Cujas.</p>
<p>НОЯ. 1901 г.</p>	

ОГЛАВЛЕНИЕ. № 1

НАША ПРОГРАММА	1
ЛЕСЪ РУБИТЬ (стихотворение)	16
ЧТО ДѢЛАЕТСЯ НА РОДИНѢ?	17
Н. А. ЛАВРОВЪ, КАКЪ ФИЛОСОФЪ.—Н. А. Рубановича	59
ЖИЗНЬ ВЪ ШЛИССЕЛБУРГСКОЙ КРѢПОСТИ (неизданная рукопись)	77
1881—1901 (Замѣтка).—А. Аквинскаго	114
КОНЕЧНАЯ ЦѢЛЬ И ПОВСЕДНЕВНАЯ БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННАГО СОЦІАЛИЗМА.—Юлія Гарткина	127
РОЛЬ И ТАКТИКА НАШИХЪ ЛИБЕРАЛОВЪ.—С. Краснопольскаго	159
ИСТОРИЧЕСКІЕ ЗНАЧАНІЯ.—А. Н. Комова	187
ДЕМОНСТРАЦІЯ (Быль изъ студенч. жизни 80-хъ г.)—В. Л.	206
ПО ПОВОДУ Сорокалѣтней годовщины освобожденія крестьянъ.—А. Шинко	223
РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ И РЕВОЛЮЦІЯ.—Н.	244

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ЧТО ЖЕ НАСЪ РАЗЪЕДИНЯЕТЪ? (Письмо социал-демократа въ редакцію).—Изъ стихотвореній	8
КОРРЕСПОНДЕНЦІИ И ДОКУМЕНТЫ ИЗЪ РУССІИ:	
1. С. Петербургъ, Одесса, Томскъ, Поволжье, Харьковъ, Саратовъ	29
2. О положеніи студентовъ, отданныхъ въ солдаты	32
3. Три прокламаціи къ русскимъ офицерамъ	39
4. Дѣло П. В. Карповича	50
5. Дѣло П. К. Лагоискаго: а) допросъ; б) обвинительный актъ	56
БѢЖЪ РАБОЧИХЪ (Съ французскаго).—Э. Вансвергельде	61
ВМѢСТО ИНОСТРАННАГО ОБОЗРѢНІЯ	80
БИБЛИОГРАФІЯ	88
ХРОНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ	92
И. И. СЕВЪДЪИНОВЪ (некрологъ)	96
ИЗЪ БЮЛЛЕТЕНІЙ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ	107
ПИСЬМО П. В. КАРПОВИЧА	109
ПОПРАВКА	110
ЗАМѢЧАНІЯ	

ПО ПОВОДУ Сорокалѣтней годовщины ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

I.

Одною изъ самыхъ характерныхъ особенностей нашей крестьянской реформы слѣдуетъ признать то обстоятельство, что, несмотря на всю свою огромную общественную важность, она совершенно не затронула политическихъ условий русской жизни. Съ политической стороны, эта реформа, со всеми другими вытекающими изъ нея была до такой степени незначительна, что не только не парализовала до реформеннаго революціоннаго теченія въ Россіи, но, напротивъ того, сама послужила къ его усиленному развитію. И это совершенно понятно, такъ какъ реформа шестидесятихъ годовъ ни въ чемъ не измѣнила у насъ основного политическаго принципа стараго государственнаго строя. Если адѣсь была кака-нибудь уступка въ политическомъ отношеніи, то только въ смыслѣ отмены тогда вѣчныхъ правъ и нашего крѣпостнаго помѣщичьяго феодализма; но и эта отмена произошла у насъ въ пользу старой государственной власти. Въ этомъ обстоятельствѣ существенная разница между паденіемъ крѣпостнаго права въ Западной Европѣ и въ Россіи. Современное общественное положеніе въ Россіи иногда сравнивается съ до революціоннымъ положеніемъ Франціи; но такое сравненіе врядъ ли справедливо, такъ какъ сама реформа 61-го года уже была до извѣстной степени нашимъ 1789-мъ годомъ. Можно сказать, что Россія пережила тогда одинъ изъ главныхъ

моментовъ своего перваго революціоннаго переворота; освобожденіе крестьянъ и освобожденіе земли. Но только этотъ крупный общественный переломъ произошелъ у насъ безъ малѣйшихъ признаковъ политическаго освобожденія; вся его политическая сторона исчерпалась тѣмъ результатомъ, какой былъ достигнутъ во Франціи однимъ возстаніемъ крестьянъ противъ помѣщичьихъ замковъ въ Іюль и августѣ 1789 года. А это значитъ, если оставить въ сторонѣ чисто идейное движеніе интеллигенціи, что изъ всѣхъ общественныхъ классовъ только одно крестьянство сыграло у насъ тогда извѣстную политическую роль, оказавъ съ своей стороны, въ формѣ учащеннхъ бунтовъ и изобій помѣщиковъ, извѣстное революціонное давленіе на правительство (исполнимыя рѣчи Александра II, обращенныя въ 1856 году къ московскому дворянству). Соответственно этому, сколько-нибудь серьезная политическая церемонія произошла тогда лишь въ положеніи одного крестьянства, чѣмъ именно и объясняется подвѣнное крушеніе рѣшхъ политическихъ надеждъ и разсчетовъ нашихъ умѣренныхъ либераловъ преформеннаго періода.

Но незначительность достигнутыхъ политическихъ результатовъ не отнимаетъ, конечно, у нашей крестьянской реформы ея огромной общественной важности. Девятнадцатаго февраля 61-го года Россія вышла одной своей стороной изъ условій феодальнаго общественнаго строя; въ ея жизни произошелъ тогда переворотъ, но уступающій по своимъ размѣрамъ, поскольку дѣло касалось юридическаго положенія крестьянъ и промышленной свободы вообще, общественному перевороту 1789 года. Но только политическій размахъ нашего общественнаго переворота 1861 г. былъ крайне незначителенъ: наше самодержавіе не только не пошатнулось отъ него, а, напротивъ того, обновило и, до извѣстной степени, упорядочилось, облеклось въ европейскія одежды. И вотъ уже сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а оно все еще продолжаетъ существовать въ тѣхъ же самыхъ неизмѣнившихся рамкахъ до реформеннаго государственнаго права. Тѣмъ временемъ понизъ юридическія и экономическія условія сдѣлали, какъ извѣстно, свое дѣло въ

смыслъ, съ одной стороны, полного разоренія крестьянства, а съ другой — довольно значительнаго промышленнаго развитія страны. Последнее обстоятельство, несомнѣнно, указываетъ на большую эластичность современной формы абсолютной монархii, а также на отсутствие какой-либо тѣсной прямой связи между промышленнымъ развитіемъ и политической свободой. Если промышленное развитіе въ концѣ концовъ создаетъ массовые элементы для политическаго освобожденія страны, то само по себѣ, оно вовсе не требуетъ политической свободы, какъ необходимаго для себя условія. Оно можетъ болѣе или менѣе успешно происходить въ условіяхъ почти полнаго политическаго рабства; даже болѣе того: оно само способствуетъ до известной степени политическому закрѣпощенію массъ. Эта истина постепенно являлась на всей новѣйшей исторіи западно-европейскихъ странъ, гдѣ буржуазія неуклонно стремилась, вслѣдъ за низверженіемъ стараго порядка, ограничить политическія права народа, охотно бросаясь для этого въ объятія Пэнлоуновъ и Висмарковъ. Но всего лучше эта историческая истина подтверждается именно на нашей пореформенной Россіи, тѣснымъ союзомъ нашей молодежи, только что развивающейся буржуазіи съ неограниченными самодержавіемъ, причѣмъ самое ея развитіе было построено въ значительной степени на почвѣ этого союза.

Существуетъ, какъ известно, историческая схема, объясняющая общественыя перевороты развитіемъ производительныхъ силъ, причѣмъ предполагается, что этими развивающимися производительными силами ставится тѣсно въ обочку стараго государственнаго строя, и онъ разрывается ея.

Но чтобы объяснить паденіе крѣпостнаго права въ Россіи, какъ общественный переворотъ, положившій начало ея новѣйшей исторіи, мы должны были бы совершенно перевернуть эту историческую схему; иначе ее трудно было бы привести въ надлежащее соотвѣтствіе съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, истинный ходъ событій оказался тогда какъ разъ обратнымъ тому, какого слѣдовало бы ожидать согласно классической формулѣ: революціонный толчекъ дви-

женію былъ данъ со стороны представителей подавленнаго экономическаго класса въ наиболѣе отсталой изъ областей производства, т. е. со стороны крѣпостныхъ крестьянъ; съ другой стороны, дореформенный государственный строй, не только не задыхавшійся въ своей оболочкѣ, но, напротивъ того, отставившій ея полную неприкосновенность, самъ почувствовалъ тогда необходимость поддѣтки слѣшкомъ низкаго экономическаго уровня страны и съ этою цѣлью самъ раздвинулъ значительно экономическія рамки общественной жизни. Создавъ такимъ путемъ юридическую возможность для промышленнаго развитія, онъ затѣмъ сталъ осуществлять эту возможность соотвѣтственной экономической политикой.

Такимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ явилось въ данномъ случаѣ не преддверіемъ, а результатомъ общественнаго переворота, происшедшаго при чрезвычайно низкомъ экономическомъ уровнѣ, подъ вліяніемъ стихійнаго броженія крестьянъ и настоятельныхъ потребностей самаго государства.

II.

Мы видимъ, слѣдовательно, что анализъ условій, при которыхъ произошло паденіе крѣпостнаго права въ Россіи, представляетъ собой известный теоретическій интересъ, такъ какъ имѣетъ прямое отношеніе къ господствующей въ настоящее время экономической революціонной теоріи, которая несомнѣнно оказываетъ свое вліяніе на ходъ революціоннаго движенія въ Россіи. Вотъ почему мы считаемъ своимъ долгомъ, прежде чѣмъ продолжать этотъ анализъ, остановиться на томъ возраженіи, которое можетъ быть сдѣлано, съ точки зрѣнія этой теоріи, противъ только что формулированнаго нами вывода.

Согласно этому взгляду, прямо продиктованному фактами, исходнымъ моментомъ нашего урѣзаннаго, монархическаго 1789-го года былъ не стихійный напоръ производительныхъ силъ, а напротивъ того слѣшкомъ низкій культур-

ный и экономический уровень страны, заставивший государство взять на себя инициативу освободительной реформы.

Въ отвѣтъ на это намъ могутъ поставить на видъ, что именно благодаря низкому уровню экономического развития Россіи освобожденіе крестьянъ и произошло въ ней безъ политическаго переворота, безъ ограниченія абсолютной монархіи, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи, при значительно болѣе развитіи ея производительныхъ силъ въ до-революціонный періодъ, это освобожденіе сопровождалось величайшими въ исторіи политическими потрясеніями. А если такъ, то отсюда очевидно приходится сдѣлать выводъ въ пользу огромнаго революціоннаго значенія развитія производительныхъ силъ.

Легко видѣть, однако, что, если даже признать правильнымъ объясненіе французской революціи развитіемъ ея производительныхъ силъ, это возраженіе несколько не противорѣчитъ нашему выводу. Не подлежитъ сомнѣнію, что революціонный переворотъ 1789 года былъ подготовленъ болѣе высокимъ политическимъ и культурнымъ развитіемъ французскаго общества, что размѣры этого переворота соотносились гораздо болѣе развитію городской жизни, чѣмъ какого достигла Россія къ концу 50-хъ годовъ: все это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ эта ссылка на данный историческій фактъ можетъ уничтожить выводъ, опирающійся на другой историческій фактъ, свидѣтельствующій о томъ, что въ другой странѣ и при другихъ общественныхъ условіяхъ могъ произойти крупный общественный переходъ безъ сколько-нибудь замѣтнаго участія въ немъ давленія со стороны стѣсненныхъ въ своемъ развитіи промышленныхъ силъ? А вѣдь въ этомъ именно выводъ и заключается въ данномъ случаѣ все дѣло. Указаніе на огромную революціонную роль развитія производительныхъ силъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, или даже во всѣхъ случаяхъ, когда это развитіе имѣетъ мѣсто, несколько не уменьшаетъ значенія нашего вывода, такъ какъ сущность разсматриваемой революціонной теоріи заключается не въ признаніи или непризнаніи революціонной роли развитія

производительныхъ силъ (на этотъ счетъ, съ тѣми или другими оговорками, могутъ согласиться между собой представители всѣхъ революціонныхъ теченій), а въ признаніи или непризнаніи за экономическимъ развитіемъ значенія главнаго или даже единственнаго источника общественныхъ движеній. Если же отнять у этой теоріи ея всеобщность и исключительность, то вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и обязательный характеръ всѣхъ ея выводовъ. Сказать, что развитіе производительныхъ силъ ведетъ за собой накопленіе въ странѣ революціонныхъ элементовъ, это — одно дѣло; а сказать, что источники всякаго общественнаго движенія необходимо связаны съ ростомъ производительныхъ силъ, это — совсѣмъ другое дѣло. Первый выводъ заставлялъ искать въ общественной средѣ, охваченной промышленнымъ движеніемъ, болѣе или менѣе подготовленныхъ элементовъ общественнаго переворота. Второй выводъ заставлялъ оставлять въ сторонѣ, какъ индифферентные или даже анти-революціонные, всѣ общественные элементы, не связанные съ промышленнымъ развитіемъ страны. И эта исключительность необходимо возводится тогда въ принципъ; она вытекаетъ изъ теоретическаго обоснованія данной революціонной программы.

Указывая на отсутствіе давленія со стороны производительныхъ силъ въ нашемъ до-реформенномъ движеніи, мы имѣли въ виду не отрицать революціонное значеніе всякаго экономическаго развитія — это совсѣмъ особый вопросъ, — а противопоставить данной теоріи общественныхъ движеній противорѣчающій ей конкретный историческій фактъ. Единственнымъ возраженіемъ противъ этого факта могло бы быть только отрицаніе его исторической важности, низведеніе его на степень чисто второстепеннаго, побочнаго историческаго дѣянія. Но такой взглядъ на крестьянскую реформу 61-го года врядъ-ли рѣшится отстаивать даже самые крайніе сторонники «экономическаго матеріализма». Размѣры всякаго историческаго дѣянія опредѣляются не сравненіемъ его съ болѣе крупными событіями другихъ странъ, а его собственнымъ значеніемъ въ ходѣ общественной эволюціи данной страны. Но съ этой точки

этим падение крепостного права несомненно имело для России значение настоящего общественного переворота, и этот переворот должен был получить особенно крупные размеры в глазах именно сторонников экономического материализма, так как падение крепостного права положило у нас начало нашему промышленному развитию в форме капиталистического производства.

Таким образом самое появление капиталистического производства в России следует приписать, в последнем счете, освободительному движению 1861 года, между тем как само это движение отнюдь не может быть приписано развитию производительных сил.

III

Всемирный исторический процесс, охватывающий в своем непрерывном движении все более и более растущую группу государств, все сильнее и сильнее влияющих друг на друга в процессе своего развития, вряд ли может быть подведен под какой-либо один исторический закон, так как само непрерывное развитие общественной жизни постоянно создает новые и новые общественные силы, входящие новыми элементами в состав исторического движения. Вследствие этого, если не в ранних, то в позднейших фазах всемирно-исторического процесса, на всякое данное политическое положение того или другого общества следует смотреть, как на новый исторический факт, как на новую комбинацию общественных условий и сил, еще никогда не встречавшуюся в прежних фазах исторической жизни. Вот почему нет ничего удивительного, что при анализе политического положения России, вызвавшего крестьянскую реформу 61-го года и затем созданную самой этой реформой, мы наталкиваемся на особенности, свойственные именно данному обществу и данному периоду общественной эволюции.

Так мы уже видели, что российская абсолютная, полу-азиатская монархия сумела хорошо приспособиться к своему повзрослевшему фазису западно-европейской промышленной

жизни, сумела выйти из финансового кризиса, учредить свой бюджет и заменить свое прежнее, дореформенное хищничество и казнокрадство капиталистической формой эксплуатации земледельческого населения. Нельзя не подивиться тому искусству, с какими были пущены при этом в ход все новейшие орудия, выработанные западно-европейскими промышленными развитием: железные дороги, банки, косвенные налоги и наконец (путем покровительства крупной промышленности) машинное производство. Но все эти усовершенствованные способы эксплуатации явились у нас не результатом внутреннего экономического роста, как, на Западе, и были перенесены на нашу действительную почву, в качестве простых фискальных орудий; они были как бы оторваны искусственно от западно-европейской промышленной системы, чтобы служить у нас не промышленной, а чисто фискальной цели: государственной эксплуатации народных масс. Но вместе с тем они послужили также и еще одной цели: они явились орудиями переноса накопления для нашей нарождавшейся буржуазии, при чем ту роль, какую играли на Западе, в XV и XVI веках, туземное население тропических колоний, сыграло у нас ныне только что освобожденное крестьянство.

Не следует думать, чтобы при всех своих экономических преобразованиях наше правительство действительно ставило своей задачей повышение экономического уровня страны. Оно заботилось прежде всего об увеличении своего бюджета. Оперативным базисом и объектом его финансовой политики было все то же земледельческое производство, как это давно уже вынесено (и не опровергнуто) «Очерками пореформенного хозяйства» Николая — она.

Расширив до полного истощения почву всех индивидуальных и арендных земель паншия многомиллионным крестьянством; продавая им максимальное количество хлеба и сокращая до минимума его собственнического бюджета — вот истинный источник финансового и военного могущества нашего пореформенного государства. Это была чисто хищническая эксплуатация прежних же народных производителей, при помощи железных дорог и кредит-

ных учреждений, путем выколачивания податей и огромных вымогов на потребление. Промышленное развитие явилось при этом, как бы побочным продуктом, в непосредственной связи с восточными займами и грандиозным казнокрадством. Шестидесятые и семьдесятые годы нашей пореформенной экономической жизни были, как известно, наполнены железнодорожными концессиями, колоссальным разграблением бакирских и кавказских земель и бакирскими операциями; — и за это именно время целые миллиарды народных денег были пущены у нас в капиталистическое обращение, но не путем каких-либо производственных операций, а благодаря самому принятому расхищению казны; они просто были разворованы и разосланы по карманам хитросплетенной и казенных подрядчиков. Другие миллиарды были приобретены нашей нарождавшейся буржуазией путем торговой спекуляции: скупкой крестьянского хлеба и перепродажей помещичьих земель и лесов. На этой почве неслучайно правительство грабежа и полного разорения сельскохозяйственного населения и выростала наша капиталистическая промышленность. Такова ее первоначальная история, которая не могла не оказать влияния и на все ее дальнейшее развитие.

Наша капиталистическая промышленность носит на себе неизгладимые следы своего происхождения. Ее сходство с западно-европейским капитализмом во многих отношениях только внешнее. Это всего более отражается на политической физиономии нашей буржуазии. Будучи детьми и даже скорее побочным продуктом деспотического режима, она находится в полной зависимости от него во всем, что касается ее экономической жизни; она обязана ему не только источниками своего первоначального накопления, но также и искусственным охранением всего ее экономического существования; созданием для нее совершенно искусственных внутренних экономических условий. Нет сомнения, что и западноевропейский капитализм постоянно нуждается в государственной поддержке: охранительных пошлинах, колониальных войнах и т. д. Но несомненно также и то, что только деспотический режим способен

создать и поддерживать те внутренние экономические условия, при которых процветает у нас капиталистическое производство: чтобы затрачивать миллиарды на железные дороги и казенные заказы при умирающем с голода населении; чтобы заставлять это буквально умирающее с голода население платить двойную и тройную цену за предметы первой необходимости: железные изделия, бумажные ткани, сахар или каменный уголь; чтобы при этом еще уплачивать огромные, многомиллионные субсидии и вывозные премии нашим заводчикам, — для всего этого безусловно необходимо, чтобы сельскохозяйственная масса была лишена всякого представительства, чтобы она была политически подавлена и безгласна. При малейшем проблеске политической свободы эта чудовищная система должна рухнуть; а между тем на этой именно системе и зиждется наш капитализм. Она не только выражает и воплощает его, но она еще и до сих пор безусловно необходима для него, ибо наша буржуазия лишена всех тех свойств, которые западно-европейская буржуазия должна была приобрести на почве более нормальных политических условий, и потому не способна конкурировать с ней на нашем внутреннем рынке. Она не способна сама поддерживать свое привилегированное экономическое положение в стране, силою одного своего капитала, а потому безусловно нуждается в сохранении существующего политического режима.

Второе несходство в политическом положении нашей буржуазии, по сравнению с западно-европейской, заключается в ее, так сказать, паразитной роли по отношению к государству. Мы видели, что наше пореформенное государство основало свое военное могущество и весь свой громадный, больше чем полутриллиардный бюджет на крестьянском хозяйстве. Вследствие этого, экономически, оно стоит почти вне всякой зависимости от городской индустрии. Его доходы с торговли и промышленности равнялись в 1898 г. только 62 миллионам; его таможенные доходы, правда, дадут ему более крупную сумму, около 220 миллионов рублей, но так как весь этот доход покрывается вывозом продуктов сельского хозяйства и добычей

лей промышленности, то ими, следовательно, а не обрабатывающей промышленностью определяются размеры нашего ввоза и доходность таможенных пошлин. Таким образом, экономически, наше государство несколько не подчинено буржуазии, несколько не зависит от ее вкладов в бюджет. Наше пореформенное государство не могло, конечно, помешать зарождению у нас буржуазии, да вовсе и не желало этого; напротив того, оно даже старалось создать все необходимые для этого условия. Но это было для него, так сказать, побочным делом, сопутствующим результатам его собственной эксплуатации народа, а в этой эксплуатации оно играло и играет у нас до сих пор совершенно самостоятельную роль. Не надо думать, чтобы наше правительство провозило сознательно идею экономического развития государства, такой взгляд был бы павильной идеализацией деспотического режима с его бюрократией. Последняя руководится в своей экономической деятельности гораздо более родственными и доступными ей мотивами: казнокрадством и взяточничеством. Если наше высшее чиновничество усердствовало и усердствует в проведении житейских дорог, то главным образом потому, что получает взятки и шляется миллионами с концессионерами; если оно создает металлургическую промышленность на юге и учреждает акционерные компании, то прежде всего потому, что само участвует в баснословных барышах, обусловленных казенными подрядами; если оно покровительствует сахарозаводчикам и санкционирует их синдкаты, то опять-таки потому, что высокопоставленные лица состоят членами этих синдкатов, и т. д. Вот истинные мотивы и двигатели, связывающие наше государство с судьбами нашей крупной промышленности, а вовсе не какая-нибудь сознательная государственная необходимость. Такой необходимости не существует, так как, фактически, наш настоящий государственный строй питается почти исключительно соками нашего голодающего земледельческого населения, которое и составляет его главную экономическую опору.

Вследствие этого, в политическом отношении наша бур-

жуазия является не органическим составным элементом этого строя, а как-бы паразитом на нем, дополнительным паразитом, высасывающим вместе с ним народные соки. Наше пореформенное государство не создано буржуазией, как создано, например, западноевропейское государство после-революционной эпохи во Франции. Там государство и буржуазия органически слились в одно целое; там буржуазия зашла государством и отождествилась с ним. У нас же, наоборот, сама буржуазия создана государством старого порядка, сохраняющим до сих пор свое самостоятельное существование и держащим эту буржуазию под своей правительственной опекой. В этом отношении представители нашего повзрослого капитализма напоминают скорее откупщиков, генеральных фермеров и банкиров дореволюционной эпохи, которые в большинстве случаев стояли на стороне старого порядка, так как с ним были связаны все способы их обогащения. До какой степени наше монархическое государство независимо политически от нашей буржуазии, хорошо можно судить по тому, например, с какой легкостью оно провело в своих собственных интересах реформу по продаже спиртных напитков, отняв эти уже и теперь у частных предпринимателей более ста миллионов прибыли. Да и фабричные законы? Разве могло бы так легко их провести правительство, зависящее от буржуазии, даже и принимая в расчет крайнее несовершенство нашего фабричного законодательства?

Этой независимостью государства от промышленных сфер и полной зависимостью последних от государства определяется политическое положение нашей буржуазии, как класса; а этот политический положение определяется ее классовая роль в текущей политической борьбе. Вот почему наша абсолютная монархия не только не встречает оппозиции в рядах наших культурных и некультурных Разумеевых, но, напротив того, находит в них своих верных защитников. Если даже западноевропейская буржуазия стала теперь монархической и клерикальной из-за страха перед социализмом, то чего же нам ждать от-

нашего „чужаго“, вскормленного на казенных подрядах? Вот, почему также и наши идейные либералы никогда не связывали своих политических надежд с буржуазией, как классом: они или вбрыли въ просвѣщенную монархію, или сочувствовали тайнѣ революціонной социалистической партіи. Роль нашей буржуазіи внутри государства до такой степени лишена всякихъ политическихъ сторонъ, что къ ней слишкомъ трудно приурочить какую-нибудь политическую идеологию; она при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ уже обладала худшими изъ тѣхъ свойствъ, какія западноевропейская буржуазія приобрѣла лишь при своемъ политическомъ вырожденіи.

Такимъ образомъ у насъ въ сущности нѣтъ либеральной буржуазной партіи. Всѣ наши либералы въ дѣйствѣхъ, въ городскихъ думахъ и въ литературѣ держатся, хотя ужасенной, но чисто демократической политики, такъ какъ останавливаютъ чисто-народные интересы: заботятся о развитіи мѣстного самоуправленія, о школахъ, о народной медицинѣ, о помощи несрежденческому движенію, о спасеніи голодающихъ и т. д. Буржуазная же партія у насъ выстѣпъ съ тѣмъ и монархическая, реакціонная. Наше общество раздѣлено въ сущности только на два лагеря: на одной сторонѣ — реакціонеры, поддерживающіе самодержавіе и православіе, а къ нимъ примыкаетъ, какъ классъ, и наша буржуазія; на другой сторонѣ — наша демократическая интеллигенція и все наше рабочее населеніе. Та часть демократической интеллигенціи, которая не примыкаетъ къ революціонной социалистической партіи и даже отрицаетъ революціонную борьбу, идетъ тѣмъ же менте рука объ руку съ социалистическимъ движеніемъ, такъ какъ помогаетъ ему своей культурной работой. Такимъ образомъ все наше прогрессивное движеніе развивается въ чисто демократическомъ направленіи; оно происходитъ въ интересахъ рабочаго населения и опирается на интересы рабочаго класса, а потому, по существу своему, оно носитъ болѣе или менѣе социалистическій характеръ. Въ социализмъ у насъ нѣтъ въ настоящее время ни одной прогрессивной политической программы.

IV

Итакъ, анализъ общественныхъ условій, созданныхъ въ Россіи крестьянской реформой, приводитъ насъ къ тому выводу, что прогрессивное политическое движеніе неразрывно связано у насъ съ социалистическимъ и должно опираться на интересы рабочаго населенія. Отсюда вытекаетъ громадная политическая роль, предостоявшая нашему пролетаріату. Благодаря социалистическому характеру нашего революціоннаго движенія, на нашъ городской пролетаріатъ, еще до появленія въ Россіи социальна-пролетарской революціонной доктрины, уже было обращено усиленное вниманіе нашей революціонной партіи. Въ городскихъ заводскихъ и фабричныхъ центрахъ началось осуществленіе у насъ народническаго движенія семидесятихъ годовъ; среди петербургскихъ, харьковскихъ, кіевскихъ и одесскихъ рабочихъ дѣйствовали поздне много чины немонашеской и лароднолечекой организацій; затѣмъ появились социаль-демократы. Можно сказать, что кружковая революціонная пропаганда не прекращалась въ нашихъ промышленныхъ центрахъ въ теченіи всѣхъ послѣднихъ тридцати лѣтъ. И вотъ теперь эта революціонная работа, вмѣстѣ съ культурнымъ воздѣйствіемъ самой жизни, начинаетъ приносить плоды, начинается пролияться въ массовыхъ рабочихъ демонстраціяхъ. Городской пролетаріатъ выступаетъ у насъ наконецъ на политическую сцену. Чрезвычайно важно поэтому именно для настоящаго серьезнаго и тревожнаго момента опредѣлить, исходя опять-таки изъ условій, созданныхъ реформой 61-го года, какова же должна быть у насъ роль городского пролетаріата въ нашемъ дальнѣйшемъ социальномъ революціонномъ движеніи, — чтобы нѣмѣть передъ собой, такъ сказать, теоретическую руководящую нить въ этомъ движеніи. Мы знаемъ, конечно, что въ періодъ принудительнаго революціоннаго настроенія, подобнаго переживаемому нами теперь, не теоретическія соображенія, а событія руководятъ людьми и партіями. Но съ другой стороны, теоретическія соображенія всегда со-

храняють за собою извѣстное вліяніе, способное противодѣйствовать тѣмъ или другимъ возможнымъ увлеченіямъ.

Прежде всего мы должны обратить вниманіе на размѣры нашего городского пролетаріата, отъ которыхъ, конечно, зависитъ и сила городского рабочаго движенія. Мы уже видѣли, на какой скудной почвѣ выросла наша капиталистическая промышленность. Ея первоначальный основной и оборотный капиталъ былъ извлеченъ изъ производительныхъ средствъ крестьянскаго населенія. Въ то же время, главнымъ рынкомъ, на который она опиралась, въ своемъ развитіи и опирается до сихъ поръ, является нашъ внутренній рынокъ, т. е. преимущественно ежегодный доходъ подорванного изъ своихъ производительныхъ силъ крестьянскаго хозяйства и затѣмъ безконечные вѣнныя займы, покрывающіе расходы на казенныя постройки и заказы.

Такая скудная и искусственно создаваемая почва не могла, разумѣется, принести обильныхъ плодовъ, а потому размѣры нашей промышленности и численность нашего городского пролетаріата сравнительно еще очень незначительны. Если принять въ расчетъ населеніе только одной Европейской Россіи, то относительный размѣръ нашего рабочаго контингента въ $4\frac{1}{2}$ раза уступаетъ численности германскаго пролетаріата^{*)}. Въ четыре съ половиною раза меньшій контингентъ городского пролетаріата! Это очень крупный недостатокъ. Чтобы нагляднѣе представить себѣ эту разницу, стоитъ только предположить, что въ Германіи, при населеніи въ 53 милліона, было бы всего 1.010.000 фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ; или же наоборотъ, что въ Россіи было бы теперь уже около 91 милліоновъ городскихъ-рабочихъ. Во Франціи, въ 1848 г., отношеніе промышленнаго рабочаго населенія къ земледѣльческому не было вѣроятно менѣе благоприятнымъ для город-

^{*)} По даннымъ 1895 г., въ Германіи, при населеніи въ 53.324.000 душъ, насчитывалось до 4.548.000 рабочихъ, занятыхъ въ крупной промышленности; у насъ, въ 1897 г., при населеніи Европейской Россіи въ 115.475.000 душъ, насчитывалось такихъ рабочихъ 2.098.000.

скаго революціоннаго движенія, чѣмъ у насъ въ настоящее время¹⁾, и тѣмъ не менѣе это движеніе было скоро подавлено, благодаря индифферентному или антиреволюционному настроенію крестьянскихъ массъ. Мы знаемъ, конечно, что экономическое положеніе и настроеніе нашего крестьянства не могутъ быть сравнимы съ положеніемъ и настроеніемъ французскаго деревенскаго населенія той эпохи. Французское крестьянство довольно широко воспользовалось социальными результатами революціи 1789 г.; мы знаемъ, что ближайшій экономическій переломъ, произведенный этой революціей, произошелъ въ значительной степени въ его интересахъ. «Всѣ свидѣтельства», пишетъ М. Ковалевскій²⁾, сходятся въ признаніи, что въ годы непосредственно слѣдовавшаго за переломомъ Франціей переворотомъ, состояніе французскаго земледѣлія было значительно выше того, какое Юнгъ отнѣтилъ въ своихъ путешествіяхъ по Франціи³⁾. По словамъ самого Юнга, «революція отразилась самымъ благоприятнымъ образомъ на участи бывшихъ оброчныхъ крестьянъ, сдѣлавшихся полными владѣльцами своихъ надѣловъ⁴⁾». Такого же образомъ, экономически, революція 1789 г. заключалась прежде всего въ освобожденіи отъ городского, а сельскаго производства; дехонна монополія была уничтожена Учредительнымъ Собраніемъ, т. е. уже, восторжествовавшею революціей, между тѣмъ какъ феодальныя права были разрушены самимъ переворотомъ. Это лучше всего указываетъ на то, кого революція 1789 г. имѣла своимъ главнымъ противникомъ, и въ комъ состояла ея главная массовая сила. Сила эта заключалась въ значительной степени въ воставшемъ крестьянствѣ⁵⁾, которое и воспользовалось, по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, въ своихъ

¹⁾ На этотъ счетъ трудно привести точныя данныя, такъ какъ статистика распредѣленія населенія по профессіямъ велась тогда во Франціи очень несовершенно. Въ 1851 г., на каждые 10.000 жителей считалось занятыхъ земледѣліемъ 5687 человекъ (вмѣстѣ съ семьями), промышленностью и торговлей 2768 человекъ, либеральными профессіями — 1115.

²⁾ Происхожденіе современной демократіи, т. I, стр. 163.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ «Та муниципальная революція, говоритъ Оларъ, которую ни-

интересах совершившихся переворотах. Земли, приобретенные тогда французским крестьянством, довольно надолго обеспечили ему сравнительное материальное благосостояние, что в свою очередь должно было отозваться на его политическом настроении. Благодаря этому, как в 1848 г., так и позднее, французская деревня, хотя уже и разоряемая ипотекой, представляла собой очень благоприятную почву для политических интриг всех реакционных партий. Наше крестьянство несомненно находится в другом положении; в самом важном пункте, т. е. в своем экономическом положении и в формах своего землевладения, оно представляет в известном смысле антитезу французского мелкого собственника первой половины XIX века; оно скорее напоминает в этом отношении французское крестьянство дореволюционной эпохи. Отсюда следует, конечно, заключить, что и его политическая роль будет противоположна той, какую играло в XIX веке французское крестьянство, т. е. что оно не будет подавлять своим политическим индифферентизмом городское рабочее движение.

Но этот вывод несколько не уменьшает значения тех соображений, которые непосредственно вытекают из приведенных нами фактических данных относительно сравнительно малочисленности нашего городского рабочего населения; напротив того, этот вывод говорит скорее в их пользу. В самом деле, на основании этих чисто фактических данных о размерах нашего городского пролетариата, а, следовательно, и возможных размерах нашего городского движения следует прежде всего прийти к заключению о необходимости для последнего быть поддержанным крестьянским движением, так же как было поддержано французское городское движение крестьянством в 1789 году. До сих пор теоретическая защита исключительно-пролетарской революционной программы обыкновенно

знала взятие Бастилии во Франции, в июль и август 1789 г., считала в городах, а потом в деревнях, была капитальным фактом среди других фактов, подготовивших торжество демократии и провозглашение республики. (Aulard, Histoire politique de la Révolution française).

венно опиралась у нас на соображение о неизбежном численном росте нашего городского пролетариата, вместе с неизбежным развитием крупной промышленности. С этой целью было выдвинуто даже особое учение о независимости размеров капиталистической промышленности от рынков. Но в данный момент этот спорный вопрос терять свое значение, так как дело идет уже о начавшемся массовом движении и о тех размерах пролетариата, в которых застала его уже начавшаяся политическая борьба. И вот все заставляет нас думать, что в виду именно ограниченных размеров нашего городского пролетариата и обусловленных ими размеров возможного у нас городского рабочего движения, для него было бы в высшей степени важно оказать по изолированным от крестьянства, а, напротив того, идти в нем своего союзника. Но если бы наше крестьянство находилось в том же положении, какое заняло французское крестьянство в после-революционный период, если бы оно представляло собою ту индифферентную и спящую массу, на которую могли бы опереться революционные партии, то тогда всякие разговоры о союзе с ним были бы бесполезны, так как достижение этого союза было бы практически неосуществимо. Вот почему мы и не могли основанно сказать, что отсутствие аналогий между французским крестьянством эпохи 1848 г., подавившим городское движение, и нашим, несущим на себя всю тяжесть существующего государственного строя, говорит только в пользу защищаемого нами тезиса о необходимости для нашего городского рабочего движения искать теперь же поддержки и союзника в нашем малоземельном и безземельном крестьянстве.

Что же может быть выставлено против этого тезиса? Соображение о неотложных потребностях данной минуты, о невозможности ставить революционной задачей расширение движения в момент политического кризиса, когда все наличные силы должны быть направлены на нанесение одного решительного удара. С этой точки зрения, т. е. с точки зрения не эволюционного процесса, а революционного момента, рассматриваемый нами вопрос

устраивается самым положением вещей. Мы можем обсуждать его только в виду известной революционной программы, предполагающей более или менее продолжительную революционную деятельность и связанное с нею развитие самой революционной партии, расширение области ее влияния. Только в этом смысле и может идти речь о необходимости для нашего городского движения искать для себя теперь же опоры в оппозиционном настроении крестьянских масс. Признание этой необходимости вовсе не предполагает какой-либо остановки в начавшейся политической борьбе. В деятельности революционной партии всегда имются две стороны: непосредственные удары, наносимые ею противнику, и агитационные задачи в виду развития ее собственных сил. Вопрос, рассматриваемый нами, касается того, в каком направлении должна происходить теперь эта вторая сторона революционной деятельности: должна ли она быть замкнута в среду городского пролетариата или же выйти из нее и распространиться на крестьянские массы?

Все высказанные нами соображения клонятся к тому, чтобы обосновать второе решение, как более соответствующее, с одной стороны, численным силам нашего городского пролетариата, а с другой — экономическому и политическому положению нашего крестьянства. Если последнему суждено у нас в силу стихийных социальных условий, играть в борьбе с самодержавием ту роль, какую играло во Франции крестьянство в 1789 г., то это предположение неизбежно должно вести за собою признание необходимости для революционной партии сознательного влияния на крестьянскую среду. В противном случае придется допустить, что крестьянская среда не нуждается, чтобы примкнуть к революционному движению, в том предварительном идейном воздействии, в каком нуждается и нуждается до сих пор городской пролетариат.

Что касается того огромного количества революционных сил, которое потребуется для революционной пропаганды и агитации в деревнях, то легко видеть, что количество этих сил обеспечивается самым ростом городского ра-

бочаго движения, при сохраняющихся связях наших городских рабочих с деревней и при постоянных высылках рабочих, замешанных в городских беспорядках на родину.

Надо только, чтобы наши рабочие организации признали революционное воздействие на деревню одной из своих насущных и неотложных задач, как это уже начинают признавать в некоторой части социаль-демократической литературы последнего времени. Так в одной из статей Плеханова в первом выпуске „Зари“ можно прочесть следующие строки: „Но, вѣдь, кромѣ *промышленных* рабочих, есть еще и *сельскохозяйственные*. Таких являются те из крестьян, которые по незначительности своего земельного надела живут *продажей своей рабочей силы*. Эти крестьяне — те же пролетарии, и горе нам, если мы забудем об этом.“*

Итак, какова же должна и может быть роль нашего городского пролетариата в уже начавшейся массовой борьбе с самодержавием? Нам нечего говорить, что всякий опрехлеленіи такого рода имѣютъ лишь относительную цѣну. Быть можетъ, дѣйствительность оправдаетъ болѣе оптимистическій взглядъ, и намъ самодержавіе рухнетъ подъ напоромъ одного городского движенія. Тогда революціонное воздѣйствіе на нашу деревню будетъ происходить при условіяхъ хоть какой нибудь конституціонной свободы. Но здравая политика требуетъ не уменьшать трудности предстоящей задачи, а скорѣе рассчитывать на болѣе опасную и тяжелую борьбу, для успѣха которой потребуются болѣе сильныя силы, — въ данномъ случаѣ, силы нашего малоземельнаго и обезземельнаго крестьянства. Съ этой точки зрѣнія, политическая роль нашего городского пролетариата можетъ быть опредѣлена скорѣе какъ роль революціоннаго авангарда въ массовой борьбѣ съ самодержавіемъ и какъ проводника политической пропаганды и агитаціи въ крестьянскую среду съ цѣлью возможнаго расширенія начинающагося массоваго революціоннаго движенія.

Л. Нишко.

*) Еще разъ социализмъ и политическая борьба, стр. 27.